

Он волнуется перед концертом, Гарри ГРОДБЕРГ - один из крупнейших органистов современности. Родился мэтр в 1929 году на Куршской косе, под Мемелем (ныне Клайпеда). Окончил Московскую консерваторию по классу фортепиано и органа. С 1955 года и поныне - солист Московской государственной филармонии, куда был принят по рекомендации Святослава Рихтера. Именно Гродберг первым в СССР стал давать сольные органнне концерты. Именно он инициировал строительство органов в Советском Союзе - ведь еще в начале 50-х годов в Отечестве нашем насчитывалось не более семи инструментов.

В его репертуаре величайшие произведения мировой органной музыки, в том числе девять томов органнне сочинений Баха, музыка Генделя, Гайдна, Пахельбеля... Он гастролировал во многих странах мира и по-прежнему занимается активной концертной деятельностью. Только в Москве каждый сезон исполняет 12 различных программ.

Народный артист России, лауреат Государственной премии, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», почетный гражданин Твери, единственный из российских органистов почетный член Баховского общества в Лейпциге.

- Гарри Яковлевич, где та точка отсчета, с которой началась для вас музыка?

- Семья моя к музыке не имела никакого отношения. Отец был талантливым модельером и даже получил в середине 30-х годов на Парижской выставке Гран-при за созданный им женский костюм. Я же еще в детстве, чуть ли не с девяти лет, ощутил необыкновенную любовь к музыке Баха. Даже его детские пьесы оказывали на меня поразительное впечатление. И уже через эту музыку полюбил музыку в целом.

- В нежные годы детей, как правило, усаживают за инструмент из-под палки. Вы испытывали неприязнь к инструменту, когда надо играть гаммы, в то время как во дворе другие гоняли мячик?

- Банальные построения! Миллионы людей в детстве начинают изучать музыку. Вы хотите, чтобы я вам объяснил, что такое любовь к музыке? Но словами это передать практически невозможно. Вы многого от меня хотите.

- Наташа, - Гродберг обращается к сидящей рядом супруге, - я не знаю, что ответить этому человеку. Он никак не хочет понять, что это просто Любовь...

- Зачем ее объяснять? - продолжает он вполголоса. - Ту же музыку Баха, понимаете, я ощущаю, словно это удивительной чистоты источник.

- А что такое, простите за дурацкий вопрос, вообще музыка?

- Это язык чувств, мыслей, настроений. Совершенно особый язык, без которого, на мой взгляд, человечество существовать не может. Почему? Не знаю - я музыкант, а не философ. Но убежден, музыка входит в число основных элементов человеческой цивилизации, а органная музыка - вершина музыкального творчества.

- Загадки, загадки... Вот вы говорили о Бахе. А ведь этот гений вел жизнь обыкновенного бюргера, обремененного семьей и заботами. Он сочинял новое произведение, словно по графику, - к каждому воскресенью, в праздник. Так кто же и что, на ваш взгляд, сформировало этого невероятного человека?

- Вы своими вопросами вскрываете меня, словно консервным ножом. Вспомните о технике безопасности! Гений, как и любовь, почти не поддается объяснению. По-видимому, в гениальных людях каким-то образом аккумулируются накапливаемые народами густки духовной энергии. Ведь феномен Баха не понят до конца. Это Леонардо да Винчи в музыке. Не понимал его и современники. Думаю, он и сам не считал себя гениальным композитором. Но Баху было тесно в существовавших тогда рамках музыкальных форм. Он практически не имел питательной среды, в которой получал бы творческие импульсы. Писал для церковной службы и детей. Кстати, его совершенно не интересовала популярность.

- Вы играли на органах, к которым прикасались руки Баха?

- Да, я многократно гастролировал по Германии и играл в Альтенбурге и Фрайбурге на тех же органах, что и ве-

Гарри ГРОДБЕРГ:

РОССИЯ - ОБЕТОВААННАЯ ЗЕМЛЯ ОРГАННОЙ МУЗЫКИ

Мы встретились с Гарри Яковлевичем на сцене Концертного зала им. Чайковского. Маэстро только что закончил трехчасовую репетицию и устало отирал пот со лба. «Такое впечатление, будто вы дали концерт», - удивился я. «Да, я всегда так репетирую, пропускаю музыку через себя», - ответил Гродберг. - «Иначе не могу. И перед каждым концертом, как и полвека назад, испытываю сладостную дрожь».

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА

ликий композитор. Помню охватившую меня тогда дрожь - дрожь прикосновения к вечности. Кстати, органное искусство в Германии, на родине Баха, переживает не лучшие времена. А вот в России оно получает определенные импульсы развития, да и органы новые строятся. Концерты органной музыки стали неотъемлемой частью филармонической жизни.

- Когда вы поступили на работу в столичную филармонию, там даже должность «органист» не существовала. После революции и вплоть до середины XX века в СССР не построили ни одного органа. Впоследствии вы состояли заместителем председателя Комитета по органостроению при Министерстве культуры и смогли изменить ситуацию. Как вам это удалось?

- Начнем с того, что один я такую колоссальную проблему осилить не смог бы. Но мне действительно пришла счастливая идея создания механизма приобретения инструментов. А поначалу, когда я кому-либо заикался об этом, слышал всегда одно и то же: «Зачем это нужно?» Когда поступал на работу в Московскую филармонию, мне сказали: «Молодой человек, конечно, рекомендация Рихтера для нас закон, но ваш Бах в концертные залы народа не соберет. И на какие средства вы собираетесь жить?»

Почему власти придерживались все-таки ко мне прислушались? Труднейший вопрос. Святослав Теофилович Рихтер говаривал мне не раз: «У тебя странным образом горят глаза». Так или иначе, но с течением времени мне удавалось встречаться с секретарями обкомов, первыми секретарями компартий союзных республик и доносить до них свои сокровенные мысли о необходимости строительства новых органов. С руководством страны мне общаться не доводилось, но я частенько

играл для членов Политбюро М. Сулова, А. Косыгина, И. Капитанова. Они любили послушать орган на отдыхе в Пицунде. Меня вызывали из любого города, где бы я ни находился, и я играл для сановных слушателей в совершенно пустом храме. Кстати, денег за это не платили - считали, что для исполнителя большая честь выступать перед столь солидной публикой. А ведь я был беспартийным. Более того, первый раз меня выпустили за границу лишь через 14 лет после начала концертной деятельности - и то при значительной поддержке моего незабвенного и горячо любимого друга Евгения Светланова. Звание «Заслуженный артист СССР» получил лишь в 53 года, «народного» дали еще через десять лет.

Но в самом деле процесс органостроения в стране запустить удалось. При моем участии в Союзе появилось свыше 70 новых инструментов. Как эксперт я говорил, где и какие органы необходимо устанавливать.

- Орган - очень дорогой инструмент, не так ли?

- Верно. И в этом смысле я заработал для государства огромные деньги. Дело в том, что я как эксперт был чрезвычайно дотошен и не пропускал малейших дефектов в этих поистине грандиозных и сложнейших сооружениях. Я не подписывал акты о приеме инструментов, пока все неполадки не устранялись. Считали, будто это моя блажь. Случались конфликты - как, например, в 1970 году, когда устанавливали орган чешского производства в Концертном зале им. Чайковского. Два капитальных ремонта с элементами реставрации позволили довести его до ума. С 1977 года он работает как часы - случай редчайший, и я впрямую гордился тем, что это удалось. Это и поныне лучший орган в России.

- Можно ли в принципе российские органы сравнить с немецкими?

- Знаете, это некорректный вопрос. В Германии множество органов - прекрасных, плохих, даже глупых. Дело в том, что немецкие органы находятся в церквях. Держат постоянного мастера в церкви дорого, в результате инструменты настраивают два-три раза в год, а это нонсенс. В России уход за инструментами находится на более высоком уровне. Органы настраивают перед каждым концертом - в разработке этих правил ваш покорный слуга также принимал непосредственное участие.

- Но ведь бытует мнение, что на Западе относятся к классической музыке гораздо трепетнее, нежели в нашей, перестраивающейся на капиталистический лад, стране?

- Лично меня уровень интереса к органу в России устраивает. И земля обетованная, если можно так выразиться, органной музыки сейчас именно Россия, а вовсе не Германия. На родине Баха, как это ни странно, не слишком любят орган. Возможно, потому, что там этих инструментов слишком много, и они по большей части не в лучшем состоянии. В Германии непрестанно идут органисты. Там катастрофически падает посещаемость церквей. Они плохо отапливаются, органисты сидят за инструментом в пальто. Представить трудно, но они не знают, что такое играть на бис. На первом моем сольном концерте, который состоялся почти полвека назад в Большом зале Консерватории, был аншлаг. Я тогда играл Баха. Попадая в Россию, в наши концертные залы, немецкие органисты просто теряют голову. Потому что у нас за эти годы выросла поразительно чуткая, грамотная и благодарная публика.

- А как же бездуховность последних лет, потеря идеалов, равнодушие и массовая меркантильность?

- Увы, интерес к классической музыке в целом падает. Времена изменились - верно. Нужна реклама, информационная поддержка. Теперь и материальные да и моральные блага совсем другие. Но я все-таки не могу пожаловаться на отсутствие публики на своих концертах.

- А вот утверждают, что художник, дабы не растерять стимулы к творчеству, должен быть голодным. Вы с этим согласны, Гарри Яковлевич?

- Извините, но я на эту тему рассуждать не могу - странно, но отчего-то все время хочу кушать. (Смеется.) Впрочем, покажите мне человека, который питается воздухом. Откуда у него тогда возьмутся силы творить, думать, работать? Игра на органе требует не только духовных, но и значительных физических затрат.

- Вы счастливый человек?

- Очень. Поступая в консерваторию, я твердо знал, что посвящу свою жизнь органу. И осуществил эту мечту. Мне удалось участвовать в грандиозном процессе «массового» органостроения в нашей стране. Разве это не счастье? Я мечтал о том, чтобы внести свою лепту в создание в России новой музыкальной культуры - органной. Мне кажется, удалось воплотить в жизнь и это. Счастье? Конечно, за свою достаточно долгую жизнь я встречал много хороших людей и немало плохих. Мне посчастливилось слышать великих музыкантов - Артура Рубинштейна, Владимира Горовица, Иегуди Менухина. Я учился тому, как они служили искусству. Потому что искусство - это все-таки служение. При том, что следует постоянно подвергать себя самоконтролю и проверять - не поддался ли ты стереотипам, не стал ли жертвой рутины.

- Вы упомянули о хороших и плохих людях, с которыми встречались, друзья. Вот о недругах ничего не сказали. Между тем хорошо известно, что творческие люди, мягко выражаясь, не слишком любят друг друга.

- А вот это, молодой человек, уже сплетни. Это, друг мой, фальшивая нота в партитуре вашего интервью.

- Наташа, - Гродберг вновь воззвал к жене, - этот журналист меня доконает своим любопытством. Он полагает, что за один вечер я смогу рассказать ему всю свою жизнь.

Слушайте, ну что мне вам на это сказать?! Да, увы, человечество несовершенно. Человек склонен завидовать, сплетничать, доносить, совершать подлые поступки. В истории цивилизации постоянно случаются войны. Ужасно! Вы хотите с моей помощью докопаться до истины? Но я не философ. Я музыкант. Вам нужна истина - возьмите Библию.

В мире действительно много зла, но из этого не следует, что человек не может служить добру, свету. Это для меня не восторженные слова, а практика жизни. Я всю жизнь стремился открывать своим искусством светлое и возвышенное мировосприятие.

Сколько раз после концертов ко мне подходили благодарные слушатели с блестящими от слез глазами. Это были слезы просветления. Надеюсь, вы не станете обвинять меня в наивности? Я прожил большую жизнь и знаю, что говорю. Если хотите, я ощущаю себя миссионером.

Вы скажете, что музыка, искусство отнюдь не всегда говорят только о светлой стороне бытия. Конечно. Ну и что? А я хочу идти к этому свету через драматизм, тени, борьбу. Это не красивые слова. Это просто моя жизнь.

- Если вы миссионер, Гарри Яковлевич, скажите, каковы перспективы классической музыки в современном мире, в России. Когда слушаешь современную эстраду...

- Опять вы скатываетесь к беспричинной критике. Эстрада - это совсем другая история, язык, отражение иных чувств, эмоций и настроений. Я с ней плохо знаком. Что же касается классики... Я не пророк. Однако не могу себе представить мир без этой могучей и прекрасной музыки - Баха, Моцарта, Генделя, Гайдна, Чайковского. Не могу, и все! Естественно, люди все разные. Но без духовных идеалов человеческое существо жить не может. А музыка как раз пробуждает в нас эти самые идеалы. Вот вам и все пророчество.

Беседу вел Владимир РАТМАНСКИЙ